

Прав московский поэт и критик Алексей Шорохов, утверждающий: «Среди немногих сильнодействующих инъекций, заметно ожививших содержательное поле новейших литературных изысканий, первое место по праву принадлежит новому (т.е., разумеется, «старому», «возрождённому», «дореволюционному» и т.д.) «христиански-православному взгляду» на проблематику, образный строй и другие «аспекты» литературных произведений классики и современности».

Современный отечественный писатель, позиционирующий себя как православный, чаще всего не воцерковлён, помнит не более одной молитвы, крестится редко и не вовремя. Так, к примеру, ведут себя герои автобиографического романа «Мерцание золота» писателя-белоруса А.К. Кожедуба: «Я зажёл свечу, всунутую мне в руки, перекрестился и прочитал Христовую молитву. Это была единственная молитва, которую я твёрдо знал» (автор, очевидно, имеет в виду ту молитву, которую на церковном языке принято называть «Иисусовой»). Или: «О Господи! — запоздало перекрестилась Алёна».

Кубанского прозаика Н.А. Ивеншева также волнует непростая дорога к храму россиян среднего поколения. Вот как он описывает этот процесс в новелле «Юдифь»: «Из покрытых позолотой врат выглянул поп в золотой простыне. Про него говорили, что когда-то он преподавал биологию в школе. Поп тонко запел, чудно и непонятно. Слова кончались на «суеся». Может, это суета?... Сладко пахло... И в этом почти незримом дымке колыхались язычки свечей, проступали лики святых, в глазах у которых не было укора. И все эти святые ничего от него не хотели. Как и он не хотел ничего. Ни денег. Ни загорелых фемин. «Суеся»... И в первый раз за свою долгую жизнь полковник Анатолий Иванович Князев почувствовал лёгкость. И даже, боязно сказать, любовь к рыжему попику, к бабушке, смешно брякнувшейся на колени рядом, к мальчугану, аккуратно вытолкнувшему изо рта жвачку в свою ладонь. Он твёрдо понял, что живёт вечно, живёт вечно даже сейчас».

В рассказе «Вечная шуба» герои Ивеншева размышляют об истоках православной веры: «...наша вера из Византии пришла, а это, в принципе, Греция. Здесь они, эти корни православия... И они пришли к строгости. К иконам, к прямым, твёрдым лицам святых. Да и сам Христос не очень-то улыбочивый. Он праведник, и его не надо рекламировать».

ЛОЛА ЗВОНАРЁВА,
г. Москва

ОПИРАЯСЬ ДУШОЙ НА МОЛИТВУ

(роль и место молитвенного обращения
в прозе русских писателей среднего
поколения)

Повествователь вспоминает о давнем споре с протестантским проповедником о сложности канонических текстов: «Тогда я возражал этому проповеднику Алексею, бывшему борцу самбо. Библия, мол, зашифрована, и не каждый её поймёт. Учёные бьются над расшифровкой...»

Под пером кубанского прозаика крестное знамение становится важной характеристикой героев: в рассказе «Чакры» деревенская женщина Катя Семёновна Загоруйка, щеголяющая модными, с её точки зрения, словечками («Это да, это похристиански!»), не может повторить столь важный для каждого православного человека жест: «Она опять попыталась перекреститься и опять махнула рукой».

Сочувствие автора герою рассказа «Дщерь», лишённому корыстной дочерью библиотеки, выдаёт финал новеллы и жест, с которым прощается он с бумажными любимцами: «Воспитанник советской системы Степан Ильич в существование Бога верил. Верил, конечно... И всё же сомневался. Как же это Бог недоглядывает? Уже у перекрёстка он обернулся и увидел, как плавно убегают от него книги. Его книги. Степан Ильич твёрдыми пальцами перекрестил их. Так внушительно крестят богомольцы родного человека, отправляя его в путь-дорогу».

Рассматривая тексты четырёх авторов среднего поколения, мы попытались проследить, каким образом и с какой целью писатели включают в прозаический текст молитвенные обращения, как традиционные, так и собственного сочинения, и какую роль они играют в художественном пространстве произведения.

Молитвенное обращение в современной поморской прозе

Писатель-помор П.Г. Кренёв предпочитает сочинять собственные молитвы, идущие от сердца его героев, простых деревенских людей. Так, трогает читателя молитва матери пятнадцатилетней Ани Матвеевой из повести «Беляк и Пятнышко», в одночасье оставшейся вдовой с несовершеннолетними детьми, обращённая к Господу: «Но Ты верни его мне, верни, Господи, ведь я люблю его очень. Не нагляделась я на него, не надышалась... Да и семье-то как без отца, без кормильца? Не выжить ведь нам без него... Знаю я..., что умру я скоро, лихоманка у меня неминуемая, съела меня совсем, но Ты, Боженька, продли хоть на годик-другой денёчки мои. Надо мне ребятишек поднять. Малы ведь совсем да глупы. Не в приют же их отдавать. А Анечке моей надо учиться. Она умница у меня, в школе успевает на

«отлично». Но ведь избилась она совсем в трудах немилосердных, девчонка ещё малая, подросток, а работает больше всех... Помогите нам, Господи, помогите и помилуй».

Материнская молитва вдохновляет Аню, забытую добытчиками тюленей на льдине зимней ночью и находящуюся на пороге гибели, на собственное обращение к Господу: «Я Тебя совсем не знаю, Боженька, и не могу разобраться точно, есть Ты или нет на белом свете? Я ведь комсомолка, а наш комсомол не верит в Тебя. Но в Тебя верит моя мама, а ей я доверяю больше всех на свете... Теперь я тоже буду жить с верой в Тебя, как моя мама. Так мне легче будет жить, я это точно знаю... Я прошу Тебя, Боженька, выручи меня, помоги. Мне совсем не хочется умирать... Я в жизни ничего не видела. Пусть за мной придут... И помоги сыночкам моим Беляку и Пятнышку. Они ведь тоже остались без матери».

Поморская девочка, ощущающая ответственность за всех живых существ, просит спасти не только себя, но и крохотных зверёнышей, оставшихся сиротами из-за вынужденного массового забоя самок тюленя — белух поморскими колхозниками, спасающими Архангельск от голода во время Великой Отечественной войны.

Главный герой повести «Огневой рубеж пулемётчика Батагова» П. Кренёва — сорокалетний пулемётчик Силантий также начинает вспоминать молитвы в трагическую минуту перед неминуемой гибелью: «Он встал на колени, устремил лицо к небу, словно старался увидеть там, в синей дали, Того, кого бросил и забыл когда-то в юности. И стал неумело, коряво и бестолково водружать на себя крестное знамение, стал молиться. Он давно позабыл все молитвы, которые произносили его родители, которым учила его бабушка, которые и он лепетал когда-то, почти сорок лет назад. Сейчас он, упёршись глазами в небо, посылал ему слова своей молитвы: «Батюшко Господь и Ты, матушка Богородица, простите вы меня, Христа ради, бестолкового придурка. Запутался я перед вами. Глупый я, вот и всё. Только вы простите меня...» Вспомнил сейчас Силантий простецкую, незамысловатую истину, которую раз сто слышал у бывалых земляков, хаживавших на морской промысел: «Кто в море не бывал, тот Богу не маливался!»... Так же и на войне... С ним остался тот Тот, кого он когда-то позабыл, бросил, отрёкся от Него. Силантий отчётливо осознавал, чувствовал всем своим телом, как Он внимательно и заботливо смотрит на него и сопереживает ему в этой последней смертельной схватке, глядит из небесной выси, как лицом к лицу с врагом воюет рядовой двадцать третьей стрелковой дивизии

Батагов Силантий Егорович... После молитвы Силантию стало как будто легче».

Вызванную семейными проблемами молитву произносит и героиня повести Кренёва «Поздней осенью, на Казанскую» Парасья. Писатель подчёркивает — молитва поморской старушки — плод её душевных мук: «Молитва выплеталась из души её и потому была проста: «Боже, всеблагий и всемилостливый! Всех сохраняй своею милостию и человеколюбием, и меня тоже. Вот я приползла к Тебе опеть, старушка бестолкова. Ума своего нету, дак хочу у Тебя занеть, Боженька любименькой. Дай Ты мне, голубеюшко, прошабаршить на белом-то Твоём свете хоть бы один сегодней денёчик, да порадеть миру, да людям. Силёнок-то во мне маловатенько осталось, у карги старой, да и глазонки мои совсем затусли, а всё хочу, дура едака, по сторонам зыркать, да на морюшко привольно газеть. Ума нету, дак где возьмёшь. Боже, Спасителю Ты наш, помози Ты сыну моему, придурку етому Генке в разум вни-ти. Да чтобы пьянку мерзку бросил, галюза ока-янной, да к семье своей приник, им покинутой. Совсем ведь ошалел, пьянь. Вот где, скажи Ты на милость, таперича внучатки мои Лёнька да Наташенька? На кого он бросил их, срамник! На Людку на свою, на шальну, глупу бабу? Дак она така же рвань, да бестолковка, как и он сам, Генка мой. Как бы не загубила она внучаточек моих, кровинушек. Не пишут оне мне чевой-то, окаянные. А я тревожусь за их, родненьких. Малы ведь совсем, а разум где им взять с такима батькой да маткой? Помози Ты им, Господи, не пропасть на путех твоих. Знами ведь, что оне разны бывают у Тебе, Господи Исусе Христе. И раскокай Ты, Господи, на мелки стёклышки все бутылки у глупышей етих — у сынка моего Генки и у жёнки его Людки придурошной, чтобы закончилась у их водка проклята. А я люблю Тебя, Господи, всеми силами, почитаю и поминаю вековечно, всегда, ныне и присно и во веки веков, аминь».

Писатель использует молитву-монолог-исповедь как возможность ввести читателя в клубок неразрешимых семейных проблем.

Таковую же страстную молитву шепчет старик Нестор, герой новеллы П. Кренёва «Художник», рисовавший всю жизнь, но так и не написавший ни одной иконы, его предсмертное обращение к Господу кажется ему «бестолковым и нелепым»: «Боже праведный... прости ты меня Христа ради. Глупой я мужик всю жись глупой, дурак, дак дурак и есь! Лез куды-то, а куды и непонятно таперича. Всё без Тебя, дак некуды и не вылез. Всю-ту жись Тебя не знал, шалак форменной. Не нарисовал Тебя ни разу, дурак! А чечас вижу Тебя, когда

смёртушка за мной пришла. Вижу, штё красивше Тебя и нету-то некого. Ты уж прости меня, придурка ненормального. Прости! Жалею я, штё не встренул Тебя раньше. Приду, дак не гони, Христе Боже! Прояви таку милость. Хочу рядом с Тобой жить!»

В прозе П.Г. Кренёва немало одухотворённых описаний икон: герои вступают с ними в духовный контакт. В редких случаях иконы просто называются («Взор её (Парасьи. — Л.З.) устремился в восточный угол, где на широкой узорной полочке стояли образа Спасителя, Казанской Богородицы и Николая Чудотворца»), чаще — описываются, увиденные чистым детским оком: «Отчего-то больше всех ей тогда нравился образ святого угодника Божия святителя Николая Чудотворца. С иконы, висящей на стене, на неё глядел седой старичок с глазами доброго и родного дедушки. Он будто говорил ей: «Приходи ко мне, девочка, я всегда помогу тебе». И маленькая девочка Параша отчётливо видела, как старичок на иконе радостно шурил глазки и улыбался ей краешками губ».

Вызовом современному полуреалистическому, далёкому от церкви читателю представляется роман петрозаводского писателя Д.Г. Новикова «Голомяное пламя», в котором полностью приводятся «Кондак, глас 3» и «Тропарь, глас 1» преподобному Варлааму Керетскому, ставшему одним из героев книги писательницы Натальи Иртенной — «Притча о грехе и покаянии. Морские скитания Варлаама Керетского». Прозаик напоминает: церковный «Канон преподобному Варлааму Керетскому» создан в XVII веке и обнаружен лишь недавно.

Четыре раза в оглавлении романа Дмитрия Новикова появляются и короткие (не более двух страниц) «поведания», даваемые в старой орфографии («Поведание от чудесь преподобнаго Варлаама Корецкаго чудотворца»). Чудеса, сотворяемые преподобным Варлаамом Керетским, рассказаны от имени очевидцев, которых святой спасает от верной гибели (избавление от «потопления») на море во время шторма или ледохода. Каждый раз приводятся имена спасённых — свидетелей «чюда», а в первом из них точно указана дата — 1664 год.

Наталья Иртенная пишет: «...после совершения своего морского подвига Василий стал Варлаамом, приняв монашество. Его земная жизнь длилась ещё полвека, проходя в лесной келье отшельника недалеко от Керети. К нему приходили как к имеющему дар исцелений, почитали как чудотворца. Через годы после его кончины начали происходить чудеса спасения на море. К

терпящим бедствие являлся сгорбленный старец в монашеской одежде, помогал справиться со стихией и называл себя: «Аз есмь и Керети Варлаам». Поморы стали почитать его своим покровителем наряду с Николой Угодником».

Прочитав Кондак, глас 3: «Всё умное своё желание к Богу вперив и тому невозвратно от души последовал еси, и житейския молвы отринув, в молитвах и слезах и злостраданиях плоть свою изнуряя, добре подвизався противу невидимаго врага кознем и победив я, веселяся прешёл еси к небесным чертогам, и ныне со Ангелы Святей Троице предстоя, отнужу же и Всевидящее Око твоя труды видево, даром чудес по преставлении обогатило тя есть, иже тебе верою почитающим, приходящим же, и честным мощем твоим поклоняющимся от честнаго ти гроба исцеление подаваеши невидимо и молишися непрестанно, сохраняя отечество своё и люди от враг видимых и невидимых, ненаветны, да вси тебе вопием: преподобне отче наш Варлааме, Христа Бога моли непрестанно о всех нас».

Кондак воспринимается как эпитафия ко всему повествованию, молитва автора о героях и о своих близких в одно и то же время.

Завершающий книгу Тропарь (глас 1) представляется своеобразным прощанием с героями и читателями и благословением, испрашиваемым у преподобного Варлаама Керетского: «Божественно свыше просветився благодатию, преподобне, мир оставил еси, житейскую печаль от всяк мятеж мира сего любви ради Христовы со дерзновением отвергл еси, евангельски Христу последовал еси, и того во всем воли повинулся еси, и весь разум и сердце на него неуклонно возложил еси Христа ради, и тело своё изнури постом и бдением, в молитвах своих не усыпая, Бога милостива творя и Пречистую Богородицу молебницу предлагая и сего ради от Бога восприем силу на сопротивнаго врага, не убоясь воздушныя и морския тягости и студени, ниже уклонися, и морскою пучиною в мале ладиице по водам шествие творя, против зельнаго обуревания плаваеши, промышлением Божественнаго разума наставляем, и около Святаго Носа непроходимый путь морской от ядовитаго червья благопроходен человеком без вреда сотворил еси, и равноангельное житие пожив, тем же и по преставлении источаеши чудес благодать, иже верою приходяще к рущи честных мощей твоих Варлааме преблаженне отче наш, и вопием ти: моли Христа Бога, да спасёт души наша».

Молитвы играют в композиции романа Новикова сюжетобразующую роль. Кондак предвещает испытания, которые предстоит пережить героям, а Тропарь подводит итоги пережитому.

Е.А. Погорелая определила жанр этой книги как «роман-оксюморон», в центре которого — вера и любовь, вера сначала потеряна, а любовь (в т.ч. и любовь Бога к людям) поставлена под сомнение. По мнению молодого критика, такое противоречие, нерв, конфликт диктует сама почва, «гений места», на которой происходит действие, — побережье Белого моря — «побережье древних скифов и советских лагерей».

Роль и место молитвы в историческом романе

В романе Д.А. Лиханова «Звезда и крест» молитвы даются на греческом языке, приближая читателя к эпохе первоучеников. Помогая современному человеку почувствовать сакральность древних текстов, несущих в себе неразгаданную тайну, к которой может прикоснуться лишь искренне верующий сердцем, душой, но не умом. В виде эпитафии роману предпослан Псалом 90 «Хвалебная песнь Давида», а завершает роман молитва священномученику Киприану, даваемая по-гречески и в переводе: «О, святой угодниче Божий, священномучениче Киприане, скорый помощниче и молитвенниче о всех к тебе прибегающих. Приими от нас недостойных хваление наше, и испроси нам у Господа Бога в немощех укрепление, и в болезнях исцеление, и в печалех утешение и всем вся полезная в жизни нашей. Вознеси ко Господу благомощную твою молитву, да оградит нас от падений греховных наших, да научит нас истинному покаянию, да избавит нас от пленения дьявольскаго и всякаго действия духов нечистых и избавит от обидящих нас. Буди нам крепкий поборник на все враги видимыя и невидимыя. Во искушениях подаждь нам терпение и в час кончины нашей яви нам заступление от истязателей на воздушных мытарствах наших. Да водимыя тобою достигнем Горняго Иерусалима и сподобимся в Небеснем Царствии со всеми святыми славить и воспевать Пресвятое имя Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь».

Лиханов открывает читателям, как медленно приближается юный Киприан к пониманию сути христианского учения. Мальчиком он слышал рассказы антиохийской христианки: в Иудее появился, распят и воскрес новый Бог. Подростком вступил в рассказы о Христе — царе Иудейском одноглазого раба Феликса, читающего по-гречески 117-й псалом, переживая чудо внезапного Божественного благоухания и не понимая, как можно пойти на смерть и возрождение ради простых людей. Писатель напоминает нам то, о чём сегодня часто забывают: «Россия унаследо-

вала от Византии не только благодатную Православную веру, но и вместе с нею непрерывавшуюся культурную традицию древних греков ...у истоков нашего литургического творчества стоял один из величайших отцов Церкви и прямой наследник античной культуры — святитель Иоанн Златоуст, так и вся совокупность святоотеческого предания, которая заключала в себе такие вершины средневековой духовной поэзии, как творения Иоанна Дамаскина...»

В романе «Звезда и крест» сопрягаются два исторических пласта и судьбы двух главных героев. Первый — потомственный офицер Александр, повторивший подвиг А. Маресьева и вернувшийся к штурвалу самолёта, лишившись обеих ног, окончивший академию, получивший звезду Героя Советского Союза, а затем отказавшийся от высокой чиновничьей должности в столице и ушедший восстанавливать разорённый монастырь в поморскую деревню. Второй — чародей-язычник Киприан, переживающий духовное перерождение и становящийся мучеником, отдавшим жизнь за Христа. Прозаик поставил перед собой сложную задачу: показать несколько составляющих окружающего героя пёстрого, многослойного мира: реальную, событийную, мистическую, колдовскую и смысловую, философскую. Лиханов справился с нею, создав сплав нескольких жанров — военной повести, жития и историко-этнографического повествования, проводя читателя по нескольким историческим эпохам, погружая его в разные культуры. Опираясь на драматические судьбы героев (вчерашних «воинов-афганцев», пытающихся вписаться в капиталистическую реальность, и жителей древней Антиохии, столкнувшихся с усилившимися гонениями на христиан), писатель утверждает истинность и плодотворность христианского мироощущения.

Молитва в прозе воцерковлённого писателя

Более редкий случай обращения к молитвенным текстам представлен в прозе московского писателя среднего поколения Николая Дмитриевича Егорова (1960 г.р.). В его новеллах возникает органичное пространство воцерковлённого человека, живущего в соответствии с православным календарём, даже когда молитвы не упоминаются, как в рассказе «Календарь».

Но важными вехами повествования становятся церковные праздники: двенадцатый праздник Введение во храм Пресвятыя Богородицы 4 декабря — и в канун его — память святых мучениц Фёклы и Анны, память святого Спиридона Три-

мифунтского («Спиридоний солнцеворот») 25 декабря, праздники Тихвинской иконы Божьей Матери 7 июля и Преображения Господня 19 августа. Автор привязывает их к современному ритму жизни тем, что даёт по новому стилю. Действие рассказа происходит в 1989 г.: ещё существует ГДР, люди заслушиваются прениями на Съезде Советов, начинает выходить газета «Московский церковный вестник».

В рассказе Н.Д. Егорова «Читая Бунина...» мы видим противопоставление духовного и чувственного в душе героя-старшеклассника. С одной стороны — первая любовь, причём сразу к двум девушкам, пристрастие к рассказам Бунина, с другой — герой «давно понял, что помимо повседневной действительности существует другой таинственный мир и смысл человеческой жизни заключается в его познании».

Основная линия сюжета строится на поиске юношей Евангелия как источника ответов на все вопросы жизни и его обретение в заброшенной церкви. После этого герой забывает обо всём на свете, пытаясь с ходу проникнуть в тайны Откровения Иоанна Богослова. Бабушка героя повторяет вечерние молитвы и этим как бы вносит элемент преемственности в жизнь семьи.

Рассказ «Вешалка» посвящён вечной как мир теме конфликта тёщи и зятя. Однако центральная часть рассказа изображает чин отпевания — «последование мертвенное мирских тел». Герой, немного знающий богослужение, как бы фиксирует строй службы: «Непорочны кончились, священник провозгласил заупокойную ектению, затем седален, начал заупокойный канон, снова ектения, снова седален, заупокойный кондак, икос... Под воздействием слов молитвы злоба на тещу постепенно отошла, её сменили мысли о том, что всё имеет конец... Теперь ему хотелось, чтобы служба шла бесконечно долго, чтобы, слушая её, можно было забыть обо всех домашних неурядицах».

Священники в угоду предстоящим сокращают эту службу. Искренняя молитва молодого батюшки смягчает душу героя рассказа, ненавидящего тещу, но служба кончается, и злоба постепенно возвращается.

Смысл рассказа «Стога» — «поиск тайны», общения к Богу, которую пытается найти герой, но это ему не удаётся. Лейтмотивом проходит служба панихиды: её герой слышит ещё мальчиком, не понимая смысла, и снова вспоминает у исхода своих дней главную молитву этой службы «Со святыми упокой...»

Герой рассказа так и не обрёл ответа на вопрос, мучивший с детства, — на пути к познанию тайны оказалось множество искушений и препят-

ствий — но одно воспоминание об этой молитве приносит облегчение.

Главный герой рассказа «Старец» — старец Гавриил. Знакомые с житиями подвижников благочестия нашего времени поймут, что его прообразом стал святой Гавриил Мелекесский. Но скорее всего, это обобщающий образ, вобравший в себя черты нескольких человек.

И главное в новелле — исповедь у старца, его духовное руководство. Упоминаются молитвы службы антипасхи, радоницы, пасхальное отпевание усопшей. Рассказ начинается и заканчивается в пасхальные дни. Звучит Иисусова молитва и молитва о самоубийцах из книги религиозного писателя С.И. Фуделя (1900–1977) «У стен Церкви»: «...Здесь же запишу и молитву о самоубийцах, которую давали Оптинские старцы: «Взыщи, Господи, погибшую душу Твоего (имя), и аще возможно, помилуй его. Не поставь мне во грех молитву сию, но да будет Святая Воля Твоя». Эту молитву читает героиня рассказа.

Рассказ «Блудник» переносит нас в XVIII в., время Анны Иоанновны, начало царствия Елисаветы Петровны. Монастырь и семинария заставляют вспомнить Троице-Сергиеву Лавру, однако прямого соответствия здесь нет. Молитвы тогда составляли неотъемлемую часть повседневной жизни. Жизнь шла по церковному календарю: святые первоверховные апостолы Пётр и Павел, Давид Земляничник и Тихвинская икона Божьей Матери, мученик Прокл, Покров Божьей Матери и память Романа Сладкопевца, Сретение, масляничная неделя и Великий Пост, семик (четверг) перед Троицей. Все хорошо знали чин отпевания. Читали грамотные люди «Лимонарь», «Древний Патерик», Славянскую Библию, пели псалмы и канты. Прообразом архиепископа Симона во многом стал владыка Симон (Тодорский), переводчик и издатель книги Иоанна Арндта «Об истинном Христианстве», которую так ценил святой Тихон Задонский.

Герои рассказа «День варенья» — люди нецерковные, пытающиеся разобраться в смысле жизни и медленно идущие к Богу. Церковная жизнь присутствует фрагментами: 18/31 августа — память святых Флора и Лавра — важная дата в жизни главного действующего лица, послепасхальные дни на кладбище, строки из Символа Веры. Герой стремится «к ожиданию новой жизни, счастливой и светлой». И в итоге «всё сильнее становилось ощущение, что впереди нас ждёт другой — светлый и радостный — мир, в котором несть болезни, печали ни воздыхания, но новая бесконечная жизнь и встреча с любимыми людьми».

В рассказе «Кризис среднего возраста» молит-

вы, на первый взгляд, не играют существенной роли. Это рассказ о том, как люди за повседневными заботами забывают о Боге и вспоминают о нём только тогда, когда в жизни происходит что-то страшное. В новелле упоминается популярное ныне житие святых Петра и Февронии. Священник говорит с героиней рассказа Светой словами Иоанна Златоуста из «Слова огласительного на Святую Пасху». Она, лёжа в больнице, вспоминает слова святителя: «Слава Богу за всё». И Акафист Покрову Божией Матери, творение митрополита Иннокентия Херсонского. Узнав о несчастье со Светой, попавшей в автокатастрофу, Витя с Марфой читают молитвы о болящих и Канон о болящих. После исповеди и причащения героиня обретает душевный мир и спокойствие.

Этот мотив распространён в современной прозе: герой рассказа Н.А. Ивеншева «Перепетый» колхозный электрик Пал Палыч становится звонарём в храме Пресвятой Богородицы после того, как приход в церковь («И Палпалыч робко открыл тяжёлую, слоистую дверь церкви») спасает от онкологического заболевания его любимую жену («Может быть, то, что Богородица звалась, как и Машенька — Марией, или упросил он смуглого, склонившего набок голову Христа»).

В рассказе «Портниха» речь тоже идёт о старце, однако героиня: «...не сколько каялась в грехах, сколько изливала душу, все свои беды и сомнения». Но продолжала жить «своей волей»: это вменял в вину Анне Карениной Л.Н. Толстой. И это привело к кризису. Формально Света была человеком церковным: крещёным в детстве, венчавшимся с мужем, крестившим детей. Ходила в храм по большим праздникам. Знала молитвы, хотя и немного. С интересом слушала речи духовных лиц. Отметим, что действие рассказа происходит в 90-е гг. XX в., когда стали популярными в церковной среде разговоры о грядущем конце света и Антихристе.

Рассказ «Липочка» близок по жанру микророману (термин введён Ю.И. Дружниковым). Он охватывает период с 1912 по 1990 г. На 19 страницах — целая человеческая жизнь. И место Церкви в ней определялось историей страны. Героиня, с детства помнившая тропари и стихиры, родилась в семье священника, повзрослев, о церкви забыла.

Муж оказался неверующим. Хранителем веры оставалась её старая мама. После войны «огонёк веры в душе у Липочки не угас, и её снова потянуло в церковь». Теперь она переживала за некрещёного сына.

И опять, как во всех рассказах Н.Д. Егорова, смерть — неизменная часть жизни. Слова панихиды: «Благословен еси, Господи, научи мя оправ-

данием своим...» звучат призывом и заветом для внимательного читателя.

Мы постарались рассмотреть, насколько важна роль молитвенных обращений с точки зрения композиции, центральной идеи, раскрытия всего замысла автора. Прав А.А. Шорохов: «Литургическое и молитвенное творчество суть высшие на земле: в них душа творца (священника, молитвенника) просветляется до того, что его личное обращение к Богу становится родным и тоже глубоко личным для тысяч и миллионов других людей, высветляя в темноте человеческих душ что-то незамутняемое, общее и сродное всем; то есть неземное и бесконечное в человеке».

Молитвы, включаемые Лихановым и Новиковым, чаще всего аутентичны и приводятся на чужом для читателя языке — старославянском с элементами поморской говори или на греческом. Лиханов погружает читателей в сакральное христианское пространство, перевернувшее мироощущение вчерашних язычников (ситуация близка нынешней, когда многие люди пытаются из омута советского атеизма прорваться к живой воде христианской веры). У Новикова опора на духовный опыт подвижников прошлого — важный ресурс для россиян, растерявшихся на резком сломе эпох и России, рванувшей от советского атеизма к традиционному православию. Обращение писателей к прошлому и полная скрытых смыслов сакральность старинных молитвенных текстов должна привести читателей к мысли: то, что полностью открыто Богу, человек может познать лишь фрагментарно. В этом плане возвращение авторов к прошлому — средство и попытка его нового осмысления с точки зрения постепенного открывающейся читателям и героям «метафи-

зической многослойности» Бытия.

В прозе Кренёва мы имеем дело с авторским вариантом беллетризированной молитвы, импровизированной молитвы. Для читателя простодушно-исповедальные молитвы персонажей открывают их духовный мир, страдания, на которые обрекают близких заблудшие родные души, а также их мечты. Как и в прозе Б.Т. Евсеева, природа эмоций осмыслена автором в русле традиций христианского мировоззрения, размышлений П. Флоренского о благодатном значении скорби и плача.

Егоров строит прозаическое пространство, исходя из православного календаря, заполняя его реалиями церковного быта и молитвами, связанными с тем или иным праздником, замыкая круг «святки-крещение». Писатель подводит читателя через запутанные судьбы героев к пониманию спасительности православных ценностей и христианского образа мыслей в труднейших жизненных ситуациях.

Христианские праздники, упоминаемые писателями в тексте и в подписи под ним, выносимые в название новелл и глав в романах, накладываясь на очередную бытовую сюжет, символизируют мотив прохождения души героя через искушения с нередко завершающим повествование просветлением через смерть.

Лола Уткировна ЗВОНАРЁВА

родилась в Москве.

Окончила филологический факультет МГУ, аспирантуру Института литературы имени Янки Купалы Академии наук Белоруссии, кандидат филологических наук, доктор исторических наук, секретарь Союза писателей Москвы, академик Российской академии естественных наук и Петровской академии науки и искусства.

Автор 16 книг и более 600 статей, переведённых на 11 языков.

Главный редактор журнала «Литературные знакомства».

Лауреат всероссийских и международных премий.

Приглашённый профессор, преподававший в университетах Турции, Польши, Китая, США, Болгарии.

Профессор двух университетов: Университета мировых цивилизаций и Московского международного университета.

